

"Ложись! Ложись, твою мать, прямо, сейчас!"

"Хорошо! Хорошо!" Молодая женщина-сесси опустилась на колени на керамокрытый пол гаража, уже заложив руки за голову, ее лицо напряглось от страха, когда она посмотрела в излучатель нейробластера Киммо Людвигсена. "Я лежу", - сказала она. - "Видишь? Я лежу!"

"Заткнись!" Внешние громкоговорители оперативника УВБМ превратили то, что уже было криком, в оглушительный рев. "Сколько там еще людей?!" - потребовал он. "И не шути со мной, сесси!"

"Может быть, дюжина." Сесси старалась говорить как можно спокойнее и покорнее, но слова выходили надтреснутыми и дрожащими, такими же испуганными, как и ее лицо. "Это просто дети, сэр. Только дети и пара учителей. Мы... мы просто пытаемся доставить их в безопасное место."

"Я сказал тебе заткнуться!" Людвигсен закричал, и сесси захлопнула рот, ее глаза - более испуганные, чем когда-либо перед лицом его противоречивых команд - устремились туда, где стояла сержант отделения Барретт.

Барретт увидела страх в ее глазах, и часть ее почти сочувствовала сесси. Почти. Возможно, она действительно посочувствовала бы ей несколько стандартных столетий назад - когда у нее еще были братья и сестры, племянники и племянник... и до того, как рота "Браво" понесла столько потерь.

Жубер Азокар и рядовая Ирена Гнуфи были первыми погибшими во 2-м взводе, а Мартон Невей, вторая из двух стрелков, которые поддерживали Азокара, должна была пройти длительную реабилитацию. И это были не единственные потери взвода. Несмотря на их броню и ограничения импровизированного оружия сесси, сесси стоил 2-му взводу еще трех солдат, когда они пошли за ним, и потери 2-го взвода были фактически легкими по сравнению с некоторыми другими подразделениями. 19-й полк полковника Дотана Перелло понес еще большие потери, когда он направился к Хэнкоку, но, по крайней мере, сплетни бойцов предполагали, что 19-й получил больше, чем свои. Тот ублюдок, который убил Азокара и Гнуфи, а также убил Мэтсона, ван Ноорта и Сугасе, - в суматохе скрылся.

Барретт почувствовала, как сжались ее челюсти, когда она вспомнила об этом. Невероятный термобарический взрыв, уничтоживший всех стрелков Азокара, ошеломил ее так же, как и всех остальных в ее отделении. Она все еще не знала точно, как проклятые сесси этого добились, или как что-то настолько мощное достигло его так близко, чего не увидели сенсоры на броне Азокара. Она сама трижды просматривала данные сенсоров, и там не было ничего - ничего, кроме стандартного источника питания для воспламенения в любой из заминированных решеток. Ничего более, даже следов выбросов от старомодных химических взрывчатых веществ!

Однако они заняли твердую позицию относительно сесси, который должен был взорваться в ловушке. Ее собственное отделение остановилось на месте, готовое прикрыть 2-е отделение Брэда Кемпторна, когда то метнулось к позиции сесси. Это была стандартная процедура, и на этот раз СОП (стандартные оперативные процедуры) были настоящим спасением... для 1-го звена, во всяком случае.

Может, у сесси и не было брони или сенсоров, но он явно не был слеп. Он увидел, что надвигается, и кинулся вниз по дренажной трубе прежде, чем отделение Кемпторна смогло

прижать его, а второе отделение бросилось в погоню. Так они и обнаружили следующую мину-ловушку. То, что он использовал в первый раз, под землей работало еще лучше. Тепловой импульс практически испарил Кирстен ван Нур. От Мэтисона и Сугасе почти ничего не осталось, а поток давления, вырвавшийся из обоих концов трубы, отправил в больницу еще двоих из отделения Кемпторна. Если бы не защитная броня и автономное снабжение шлемов воздухом, потери были бы еще хуже.

Даже с броней, 2-ое отделение потеряло пять из своих двенадцати солдат, и моральный дух выживших был сильно потрясен. Если уж на то пошло, смерть почти так же сильно ударила по всему второму взводу. Они не были солдатами Барретт. Сказать по-правде, она и Ван Ноорт сердечно ненавидели друг друга. Но они все еще были частью того же взвода, частью того же подразделения, и все эти смерти и ранения только усилили ненависть и ярость второго взвода. Взвод жаждал мести, и страх перед подобными ловушками, подобными атаками ненавистных и презираемых сесси, которые должны были в панике бежать от них, только раздувал свирепый голод.

Так же, как это раздувало собственную свирепость Барретт.

"Приведи сюда остальных, сесси!" - рявкнула сержант отделения. Коленопреклоненная женщина уставилась на нее, а затем рухнула с воплем боли, когда рукоятка бластера Людвигсена врезалась ей в живот.

"Хватит, Киммо!" - рявкнула Барретт, когда солдат высоко поднял бластер, очевидно готовясь обрушить приклад на голову сесси. Его зеркальное забрало - безликое, если не считать эмблемы УВБМ - повернулось, чтобы взглянуть на сержанта отделения, прежде чем медленно, явно неохотно отступить, повинувшись ее команде.

Сесси извивалась, пытаясь отдышаться, и Барретт шагнула к ней. Она ткнула расprostертую женщину носком бронированного сапога.

"Я сказала, приведи остальных сюда", - сказала она холодным, ровным тоном.

Сесси с трудом поднялась на колени, умоляюще глядя на нее, и сержант позволила стволу своей импульсной винтовки соприкоснуться со лбом енцины.

"Если нам придется идти за ними, будет еще хуже", - сказала она. "И тебя здесь уже не будет."

Сесси с трудом сглотнула и кивнула.

"Пожалуйста, не трогайте их", - прошептала она. "Они дети - всего лишь дети!"

"Сейчас же, сесси", - ответила Барретт.

Сесси еще мгновение смотрела на нее, потом облизнула губы и повысила голос:

"Выходите, дети!" - крикнула она, не сводя глаз с Баррет. "Все будет хорошо. Обещаю."

Несколько секунд ничего не происходило, затем медленно - один за другим - еще одна молодая женщина и одиннадцать детей, все, вероятно, от десяти до одиннадцати стандартных лет, выползли из тени, где они спрятались за бесхозным, очевидно брошенным грузовиком. Еще двенадцать лиц, каждое из которых было так же перепугано, как и лицо первой сесси, которую поймал Людвигсен, умоляюще смотрели в сторону сержанта, когда они тоже упали на колени.

"Хорошо", - сказала Барретт. "Теперь мы все возвращаемся к..."

Внезапный злобный вой нейробластера оборвал ее, и она резко повернула голову, когда Людвигсен и Брок Санчес выстрелили в коленопреклоненных пленников.

Очень немногие способы умереть были более мучительными, чем выстрел нейробластера. Он буквально разрывал центральную нервную систему своей жертвы, и если только мозг не был поражен непосредственно, жертва была лишена даже призрачной милости забытья.

Людвигсен и Санчес обрушили свой огонь на детей и другую сесси, и бьющиеся в конвульсиях, визжащие отражения их жертв плясали по зеркальным забралам, как демоны. Несмотря на свою ярость, свою ненависть, Барретт почувствовала, как к горлу подступает тошнота, почувствовала едкий привкус рвоты, но ничего не могла с этим поделать. С того момента, как были спущены курки, все сесси - все дети - были мертвы. Все, что осталось, - это долгие, ужасающие секунды, которые потребовались каждому органу в их телах, чтобы перестать функционировать, и их мозгам, чтобы утечь в милосердную темноту.

Барретт уставилась на скрюченные, все еще дергающиеся тела. Затем, против воли, ее взгляд вернулся к молодой женщине, все еще стоявшей перед ней на коленях. Молодая женщина, выражение лица которой было абсолютно пустым, пустым от чего-то, что выходило за рамки ужаса и шока в чистую, неподдельную неспособность поверить в то, что она только что видела. И затем, медленно, как образы, появляющиеся на древнем негативе в промывочной ванне, понимание, знание - и ненависть - просочились обратно в ее лицо. Она посмотрела на пульсерную винтовку Барретт, ее глаза наполнились жгучей ненавистью и пониманием того, что должно произойти дальше, и на мгновение Барретт увидела то, что увидела она. Увидела массивную, закованную в черную броню фигуру, выделявшуюся алым, украшенную перчаткой и кинжалом УВБМ, безликую за зеркальным забралом. И в этот момент сержант понял, какими именно сесси Менделя должен видеть ее и ее солдат.

Ее палец сжался без какой-либо сознательной мысли с ее стороны, голова сесси взорвалась под гиперзвуковым ударом пульсера, и когда тело откинулось назад, разбрызгивая мозговую ткань и тонко разделенные фрагменты черепа по керамокриту, Кайла Барретт не знала, нажала ли она на курок из ненависти, чтобы заставить замолчать возможного свидетеля... или просто чтобы избежать бездонной, как проклятие, ненависти, излучаемой этими глазами.

* * *

"Какого черта, люди, вы думаете, что вы делаете?!"

Барретт резко повернула голову, и ее лицо побледнело, когда появился лейтенант Коннор Фергюсон. Командир второго взвода двигался со своим третьим отделением, где он и его взводный сержант могли следить за его резервными силами. Мгновение Барретт не понимала, как он мог внезапно оказаться здесь, а не там, но только мгновение. Должно быть, он следил за сенсорами ее собственной брони - как командир взвода, он мог подключаться к любому из сенсоров своих унтер-офицеров по желанию. И, зная лейтенанта, он побежал к ней, чтобы попытаться справиться с ситуацией.

"Какого хрена ты не пришел на тридцать секунд раньше?" - требовал ответа в глубине ее мозга горький голос. В памяти всплыло лицо брата, но оно уже не было иконой, требующей отмщения. Он был хороший человек, ее брат - кроткий человек - и все, что она видела сейчас в его глазах - это ужас.

"Я ..." - начала она, совершенно не представляя, что собирается сказать, но Фергюсон прервал

ее.

"Я не хочу этого слышать." Слова были вырезаны из замороженного гелия, но они пришли по выделенному командному каналу, исключая остальную часть ее отделения. "Я ожидал от вас большего, сержант отделения," - продолжал он тем же ледяным тоном. "Я рассчитывал на лучшее. Вы отстранены. Доложите взводному сержанту Фраш. Скажите ей, что я хочу, чтобы она взяла на себя ответственность за тот кусок дерьма, который вы сотворили."

"Я ..." - снова начала она и сглотнула. "Да, сэр," - ответила она.

Ее голос звучал мертво в ее собственных ушах, но она отдала честь - больше из-за укоренившейся привычки и мышечной памяти, чем по своей воле - вскинула свой пульсер на плечо, и направилась в тыл.

Фергюсон некоторое время наблюдал за ней, затем повернулся к остальным.

"Я знаю, что все вы - все мы - взвинчены, взбешены и чертовски сбиты с толку," - сказал он на волне отделения. "Но этому нет оправдания. Правила Омеги не означают, что мы можем просто так убивать детей, ради Бога! Как, по-вашему, отреагирует командование, когда они просмотрят тактические записи с вашей брони? Или вы вообще не думали?!"

Барретт вышла из гаража и поплелась к значку взводного сержанта Лоретты Фраш на дисплее. Экзоскелет ее брони, казалось, работает не очень хорошо. Каждая ее нога весила по меньшей мере тонну, а импульсное ружье на плече весило по меньшей мере в десять раз больше. Воспоминание об этих криках, ломающих кости конвульсиях от ударов нейробластеров, и взгляд - ненависть и осознание - в глазах стоящей на коленях сесси... все это шло вместе ней, проклятия из могилы, от которых она знала, что никогда не сможет - никогда не сумеет - освободиться, тянули ее душу, как якорь. Это было просто...

"Сержант! Сержант Барретт!"

Она замерла, потом резко обернулась. Это был Людвигсен, отчаянно махавший ей, чтобы она вернулась. Она не хотела. Больше, чем когда-либо за всю свою жизнь, она хотела никогда больше не входить в этот гараж. Но Людвигсен только махнул резче, и она глубоко вздохнула, расправила плечи и пошла обратно тем же путем, каким пришла.

Каждый шаг казался ей еще тяжелее, чем те, что она сделала прочь от гаража, и, завернув за угол, она увидела то, что каким-то образом знала, что увидит.

"Этот ублюдок, должно быть, прятался в дальнем углу, сержант." Людвигсен говорил быстро, так быстро, что слова сливались в одно, тыкая указательным пальцем в пятно солнечного света, пробитое в задней стене гаража. "Мы все слушали лейтенанта, и никто даже не заметил этого сукина сына, пока он не выстрелил! Застал нас врасплох. К тому времени, как мы поняли, он нырнул обратно в отверстие. Санчес и Тиммонс сейчас преследуют его, но я не думаю, что они его поймают."

Барретт посмотрела на бронированный труп, лежащий почти поперек одного из мертвых сесси. Снайпер сесси - вот во что они хотели, чтобы она поверила? И снайпер сесси, который каким-то волшебным образом протиснулся - вместе с оружием - через полуметровую дыру, чтобы избежать преследования, прежде чем кто-либо смог открыть по нему огонь?

Точка входа была всего лишь крошечным отверстием почти в центре забрала Фергюсона. Она была уверена, что если бы она измерила ее, то это было бы точно пять миллиметров в

диаметре... как раз, как у дротиков импульсной винтовки Марк 9. Судя по обломкам и брызгам крови, это был взрывной патрон марки 3, а не твердый Марк 1. Там было просто... ничего не осталось за шлемом лейтенанта.

Или в его черепе.

Кто-то хотел быть чертовски уверенным, не так ли? Эта мысль промелькнула у нее в голове, пока она смотрела на тело. Идиоты. Вы думаете, он выключил свой тактический рекордер, пока готовил тебе новый? Трибунал никогда не купится на это дерьмо о снайперах сессии! Где, черт возьми, они могли бы получить...

И тут ее осенило. Фергюсон, вероятно, отключил функцию "записи" на своих бронированных системах. Возможно, он сделал это еще до того, как отослал ее. Именно так он и поступил бы, пытаясь пресечь ситуацию в зародыше, прежде чем она станет еще хуже. Он пытался вернуть контроль над своими людьми, прежде чем кто-то из высших эшелонов военной пищевой цепи поймет это и забудет их, сделает из них пример. И это означало...

Она оторвала взгляд от тела и увидела Людвигсена и остальных, стоявших полукругом по другую сторону от трупа, среди тел сессии. Она не могла видеть их лица больше, чем они могли видеть ее, но если бы она могла, то точно знала, какие выражения она бы увидела. Это было странно. Ее жизнь висела на волоске, зависела от следующих слов, которые она произнесет, И все, что она чувствовала, была... пустота.

Она никогда не знала, как долго они стояли там, глядя на пустые забрава друг друга. Это не могло быть так долго, как казалось. Но тут, наконец, появились Санчес и Тиммонс, присоединившись к остальным, и она глубоко вздохнула.

"Есть следы стрелка?" - спросила она, не отрывая глаз от Людвигсена.

"Никаких следов, сержант. Она заметила, что голос Санчеса звучал гораздо спокойнее, чем у Людвигсена, а Тиммонс нес свою импульсную винтовку, как охотник, положив ствол на левое предплечье и почти не целясь в нее.

"Очень жаль", - сказала она. Потом встряхнулась. "Центральный, Браво-ноль-три," - сказала она. - "Патч Браво-Ноль-Один."

"Браво-ноль-один", - раздался в наушнике голос Лоретты Фраш. "Расскажи мне, Барретт. Какого черта происходит?!"

"Простите, сержант", - произнес ее голос. Она, казалось, не выбирала слова сознательно; они просто пришли, как будто она слушала незнакомца. "Тут небольшой беспорядок. Мы накрыли гнездо сессии, и пока лейтенант начал их допрашивать, кто-то выстрелил в него через пролом в задней стене. Он мертв."

Тишина на командной линии была абсолютной. Казалось, это длилось очень, очень долго. Затем Фраш откашлялась.

"А сессии?"

"Были убиты в перестрелке, когда мы открыли ответный огонь", - спокойно ответил голос, так похожий на ее собственный, пока она смотрела на Людвигсена и остальных.

"Снайпер?" - Голос Фраш звучал смиренно, и Барретт покачала головой в шлеме.

"Ушел. Дыра, через которую он стрелял, была не больше полуметра. К тому времени, когда мы разобрались, что, черт возьми, произошло, и Санчес с Тиммонсом сумели пролезть за ним, он исчез в какой-то чертовой дыре."

"Понятно. Вероятно, за это придется дорого заплатить", - продолжала Фраш. "Полковник захочет поговорить со всеми вами позже. Насколько я могу судить, лейтенант выпал из тактической сети, когда направился в гараж, так что я дам им все, что смогу, черт возьми. Может быть, вы и остальные сможете составить какую-то точную картину того, что произошло с ними."

"Мы, конечно, попытаемся", - сказала Барретт, услышав скрытое послание в словах взводного сержанта и почувствовав, как расслабились солдаты вокруг нее.

"Так-то лучше", - решительно сказала Фраш. "Включите поисковый маяк лейтенанта, а потом тащите свои задницы обратно сюда. Мы отстаем от других взводов."

<http://tl.rulate.ru/book/18880/388037>